

После юбилея 1937 г. все вдруг заговорили о «народности» Пушкина. Подтолкнула к этому публикация в «Правде» 1936 г. выдержки о Пушкине из каприйского курса лекций о русской литературе М. Горького (полный курс вышел в 1939 г.). И сейчас только и слышишь: «наш Пушкин», «мой Пушкин», «вечно живой современник», будто нет исторической и сословной дистанции между нами и Пушкиным. О дворянстве Пушкина совершенно разучились говорить. А между тем для Пушкина принадлежность его к дворянству имела большое значение. Сбрасывать со счетов это обстоятельство — значит обеднять Пушкина, снова вульгаризовать его творчество. Социологический подход продолжается в трактовке вольнолюбия поэта, его связей с декабристами, размышлениях о роли народа в «Борисе Годунове», о «пугачевщине» и «русском бунте». Все эти проблемы, начиная с Благого, стали неотъемлемой частью предмета отечественного пушкиноведения, сохранили свою актуальность и по сей день.

Благой вошел в состав редакции юбилейного Полного собрания сочинений Пушкина, осуществил текстологическую подготовку «Пира во время чумы» и писем Пушкина 1815—1827 гг. (т. 13). Известно, что это издание явилось средоточием лучших сил пушкиноведения, великолепной школой для многих специалистов в их творческом становлении. Помимо должностных лиц, в редакционном комитете состояли М. А. Цявловский, Д. П. Якубович, Б. В. Томашевский, Г. О. Винокур, Д. Д. Благой, С. М. Бонди. В этом смысле мы и говорим о Благом как об одном из выдающихся пушкинистов, равнодостоинном среди столь славных. Их когорта была еще шире в Москве и Ленинграде: Ю. Г. Оксман, Л. Б. Модзалевский (сын), М. П. Алексеев, В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, Н. В. Измайлов, Б. С. Мейлах, Н. Л. Бродский, Т. Г. Зенгер-Цявловская.

У Д. Д. Благого была особенная статья — разработка общей концепции творчества Пушкина, нашего «начала начал»: все — к Пушкину, все — от Пушкина. Ученый выстраивал периодизацию творчества поэта, концепцию развития Пушкина и всей русской литературы первой половины XIX в.: движение «от романтизма к реализму», все большая демократизация творчества.

С мыслью о Пушкине предпринял Благой обстоятельное изучение литературы XVIII в., в результате чего появился его вузовский курс, своевременному изданию которого помешала война. Им написаны такие яркие работы, как «Судьба Батюшкова», предисловие к изданию «„Арзамас“ и арзамасские протоколы», где нащупывались новые подступы к Пушкину.

Главным замыслом Д. Д. Благого следует считать трехтомную монографию «Творческий путь Пушкина». Вышли в свет только первые две части (1950 и 1967), а третью он не успел завершить. Рукопись была представлена в издательстве «Советский писатель», но через некоторое время автор забрал ее для усовершенствования. В семидесятилетнем возрасте Благой почувствовал, что время уходит, что другие замыслы и обязанности отвлекают. Много сил отнимала организация коллективной работы в ИМЛИ над синхронно-синтетическим курсом русской литературы от древнейших времен до 1917 г. Идею этого курса подал сам Благой, но издание дорого ему стоило.

В полухудожественной форме, для мобилизации собственного творческого духа, он расклеивал в квартире и на даче афишки: «Нигде кроме, как в третьем томе». Мы, бывавшие у него по-домашнему, посмеивались и в свою очередь ободряли: «Бросьте все, Дмитрий Дмитриевич, не распыляйте силы, вспомните: майковское издание Пушкина осталось незавершенным, Цявловский оставил свою „Летопись...“ незавершенной...».

Своеобразной компенсацией незавершенного третьего тома оказалась у Благого последняя книга очерков жизни и творчества Пушкина «Душа в заветной лире» (1977). Получилась очень сильная книга, дающая представление о том, на какую высоту поднялась исследовательская мысль Благого в изучении «позднего» Пушкина.

Его привлекла тема «Пушкин и Данте», накопились новые проницательные наблюдения над художественными приемами у Пушкина, существенно допол-